

442 408

0

178-317

~~4040~~

442448

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НѢМЕЦКИХЪ ГОСУДАРСТВОВЪДОВЪ ¹⁾.

Когда мы говоримъ объ юридическомъ методѣ въ государственной наукѣ, мы придаемъ слову „методъ“ своеобразный, въ извѣстной степени условный смыслъ. Для всякаго очевидно, что юридическій методъ не можетъ замѣнить ни индукціи, ни дедукціи, этихъ основныхъ и исключительныхъ путей изученія, помощью различнаго сочетанія которыхъ единственно достигается научное познаніе явленій. Такія понятія, какъ юридическій методъ въ государственной наукѣ или аналогичный по значенію соціологическій методъ въ правовѣдѣніи и въ той же государственной наукѣ, отвѣчаютъ не какимъ либо новымъ путемъ познающаго разума, а тому болѣе скромному, но тѣмъ не менѣе важному требованію изученія, согласно которому сложные предметы изученія подлежатъ расчлененію и изслѣдуются съ разныхъ сторонъ, сообразно тѣмъ различнымъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ они могутъ быть разсматриваемы. Такъ какъ организованное общество, именуемое государствомъ, представляетъ собою ту неизбѣжную стихію, въ которой протекала и протекаетъ культурная жизнь людей со всѣмъ богатствомъ ея матеріальнаго и ду-

¹⁾ Рѣчь передъ диспутомъ, произнесенная въ Спб. Университетѣ 9 октября 1905 г. предъ защитой диссертациі: „Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи. Историко-методологическое изслѣдованіе. Варшава 1904 г.“

ховнаго содержания, то вполне понятно, что предмет государственной науки оказывается крайне сложнымъ и подвергается изученію съ разныхъ сторонъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ сложномъ комплексѣ явленій государственной жизни видное мѣсто принадлежитъ праву, которое отражаетъ въ себѣ наличное соотношеніе общественныхъ силъ и на этомъ основаніи распредѣляетъ обязанности и притязанія между отдѣльными членами и группами общегитія. Специфическое и важное значеніе права дѣлаетъ особое его изученіе и возможнымъ, и полезнымъ. Вполнѣ поэтому понятно, что и государственная наука, къ специальному вѣдѣнію которой относится основанная на властвованіи организаціонная сторона общегитія, допускаетъ изученіе своего предмета съ точки зрѣнія права, то-есть со стороны облеченія фактическихъ отношеній властвованія въ юридическія формы съ вытекающимъ отсюда распредѣленіемъ публичныхъ правъ и обязанностей между отдѣльными членами и группами общегитія. Приемъ выдѣленія юридической стороны государственнаго властвованія въ особую отрасль изученія и получилъ наименованіе юридическаго метода въ государственной наукѣ. Наименованіе это въ виду отмѣченной нами условности его значенія нельзя признать вполне удачнымъ; тѣмъ не менѣе мы его сохраняемъ, такъ какъ его выдвинули представители цѣлой школы государствовѣдовъ, и сочиненный имъ терминъ успѣлъ приобрести полныя права гражданства въ научной литературѣ.

Современные намъ сторонники юридическаго метода, или представители юридической школы государствовѣдовъ въ Германіи открыто признаютъ родоначальникомъ избраннаго ими направленія К. Ф. Гербера, который выступилъ въ качествѣ юриста-публициста въ началѣ второй половины минувшаго столѣтія. Почтеннымъ, но, въ сущности говоря, скромнымъ трудамъ Гербера въ области государственнаго права послѣдователи его приписываютъ значеніе кореннаго методологическаго переворота въ государственной наукѣ. До Гербера, говорятъ его безусловные приверженцы, государствовѣдѣніе либо замѣнялось оторванной отъ жизни философской спекуляціей, которая вела не къ изученію существующаго, а къ

начертанію должнаго, идеальнаго государственнаго строя, либо сводилось къ простому накопленію историческихъ и статистическихъ (въ Конринго-Ахенвалевскомъ смыслѣ) данныхъ государственной жизни, не связанныхъ единствомъ мысли и потому совершенно бесполезныхъ. Указанные два пути, одинаково ложные и бесплодные, то шли параллельно, то пересѣкались, такъ что абстрактная спекуляція и фактическая регистрація нерѣдко сочетались и образовали своеобразное *mixtum compositum*, въ которомъ пропорціональное отношеніе составныхъ частей опредѣлялось всецѣло личными склонностями и политическими соображеніями того или другого автора. Отсутствие опредѣленной научной проблемы и правильнаго метода ея разрѣшенія дозволяло приступать къ мнимо научной разработкѣ государственныхъ вопросовъ безъ специальной подготовки, безъ плана и критерія. Такому печальному состоянію дѣла положилъ конецъ Герберъ, который нанесъ рѣшительный ударъ какъ бесплодной спекуляціи, такъ и бессмысленной регистраціи въ области государственной науки. На мѣсто созерцанія идеальнаго государственнаго строя Герберъ поставилъ изученіе существующаго государственнаго устройства, какъ оно опредѣлено въ положительныхъ юридическихъ нормахъ дѣйствующаго законодательства. Собираніе всевозможныхъ „достопримѣчательностей“ государственной жизни онъ замѣнилъ изслѣдованіемъ одной лишь юридической ея стороны и ограничилъ такимъ образомъ подлежащій научный матеріалъ лишь тѣми данными, которыя могутъ дать отвѣтъ на основной и единственный вопросъ: *quid iuris?* Сопоразно этому выяснилась у Гербера и вполне опредѣленная проблема научнаго изслѣдованія: она должна была состоять въ выработкѣ по даннымъ дѣйствующаго права строгихъ и точныхъ юридическихъ конструкцій для всѣхъ отношеній государственнаго властвованія. Все это приписывается личной научной заслугѣ Гербера и возводится въ рыцарскій подвигъ, прославленію котораго посвящено даже римованное четверостишіе. Переводя фигуральныя выраженія хвалебнаго гимна на простой языкъ научной прозы, можно сказать, что школа Гербера приписываетъ своему посаженному отцу слѣдующія двѣ основ-

ныя заслуги: 1) создание научнаго государствовѣдѣнія на мѣсто прежняго диллетантскаго, и 2) переходъ въ области государственной науки изъ метафизической стадіи въ стадію позитивную. Съ послѣдней заслугой учителя особенно носятя представители юридическаго направленія. Они видятъ въ немъ специфическое противоядіе противъ метафизической философіи государства и усиленно ссылаются на свою положительность противъ всякаго, кто подходитъ къ изученію государства съ вопросомъ, отличнымъ отъ ихъ *quid iuris*. Правда, за послѣднее время произошла перемѣна въ смыслѣ отступленія отъ исключительнаго юридизма. Одинъ изъ столповъ юридическаго направленія профессоръ Георгъ Ееллинекъ на ряду съ юридическимъ ученіемъ о государствѣ поставилъ соціологическое его изученіе и такимъ образомъ лишилъ юридическій методъ его исключительной привилегіи на положительность. Но одно уже сопоставленіе обоихъ методовъ указываетъ на признаніе ихъ научной равнородности и равноцѣнности, а хронологическое совпаденіе дѣятельности Гербера съ рожденіемъ научной соціологіи можетъ отчасти укрѣплять мысль о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя одновременно возникшими и равносильными проявленіями научнаго позитивизма въ государствовѣдѣніи.

Притязаніе юридической теоріи государства на научную позитивность вызываетъ весьма крупныя сомнѣнія. Невозможно вѣдь признать за юридическими конструкціями государственныхъ отношеній какое либо значеніе въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія явленій государственной жизни и установленія ихъ научной законмѣрности. Та положительность, о которой намъ говорятъ представители юридической школы государствовѣдѣвъ, не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ позитивизмомъ; это—положительность догматиковъ, которые не движутся къ истинѣ по трудному пути изслѣдованія, но отпавляются отъ нея, какъ отъ извнѣ даннаго начала, и употребляютъ свои умственныя силы только на ея истолкованіе. Для болѣе рельефной характеристики догматической положительности юридической школы государствовѣдѣвъ мы могли бы привести обильныя и интересныя параллели и

аналогіи изъ среднихъ вѣковъ, этой классической эпохи догматическаго міровоззрѣнія. Во избѣжаніе черезчуръ отдаленныхъ экскурсовъ въ область прошлаго мы не станемъ этого дѣлать, и, пользуясь аналогіей болѣе близкаго къ намъ времени, скажемъ лишь, что о позитивизмѣ современнаго намъ юридическаго ученія о государствѣ можно говорить развѣ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ Шеллингъ на одной изъ ступеней своего развитія говорилъ о положительной философіи откровенія. Приведенное сравненіе разъясняетъ надлежащимъ образомъ сущность дѣла и напоминаетъ намъ къ тому же о научномъ родствѣ юриспруденціи съ богословіемъ, на что, какъ извѣстно, обратилъ въ свое время вниманіе еще Лейбницъ (*Methodi novae discendae docendaeque iurisprudentiae pars II, §§ 4—5*).

Всѣ характерныя черты положительнаго догматизма имѣются на лицо и въ современной намъ юридической школѣ нѣмецкихъ государствовѣдѣвъ, которая занимается ничѣмъ инымъ, какъ догматикой положительнаго государственнаго права. Призывъ къ этого рода работѣ, исходившій отъ Гербера, не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ обновленіемъ государственной науки, которое провозглашала зарождавшаяся въ то же время научная соціологія. Поэтому юридизму въ государствовѣдѣніи, идущему отъ Гербера, нельзя приписывать рѣшительно никакого значенія въ дѣлѣ ниспроверженія метафизическаго ученія о государствѣ. Положительный юридическій догматизмъ существовалъ цѣлыя столѣтія за долго до Гербера и не только не разрушалъ метафизическихъ построеній естественнаго права, но мирно съ ними уживался и даже нерѣдко пользовался ими для пополненія тѣхъ изъ своихъ конструкцій, для которыхъ не доставало матеріала въ дѣйствующемъ правѣ. Провозвѣстникамъ обновленія науки о правѣ и о государствѣ, каковыми были предтечи и представители исторической школы, пришлось бороться съ положительнымъ догматизмомъ не менѣе, чѣмъ съ естественно-правовой школой.

Придя къ убѣжденію, что труды Гербера не имѣли значенія для методологическаго обновленія науки о государствѣ,

мы нашли единственно возможнымъ разсматривать ихъ въ другой, несравненно болѣе тѣсной, но зато подлежащей сферѣ,—въ сферѣ положительнаго юридическаго догматизма. Здѣсь, однако, мы натолкнулись на затрудненіе. Исторія юриспруденціи разработана недостаточно, и недостаточно въ смыслѣ односторонности. Историки науки сосредоточиваются главнымъ образомъ на естественно-правовыхъ ученіяхъ, а догматику положительнаго права удѣляютъ весьма мало вниманія, причѣмъ ограничиваются цивилистической догматикой, обходя почти полнымъ молчаніемъ догматику публичнаго права. По имѣющимся отрывочнымъ указаніямъ трудно, даже почти невозможно было составить себѣ должное представленіе объ историческомъ развитіи послѣдней, а слѣдовательно, и оцѣнить надлежащимъ образомъ труды Гербера, которымъ, какъ мы видѣли, сторонники юридической школы приписываютъ несоотвѣтственное значеніе. Пришлось заняться болѣе или менѣе самостоятельнымъ изученіемъ исторіи положительной догматической публичной юриспруденціи въ Германіи.

Если бы мы всецѣло довѣрились словамъ послѣдователей Гербера, намъ пришлось бы думать, что до него въ Германіи юристы-публицисты занимались исключительно естественно-правовыми построеніями, а догматической разработки положительнаго государственнаго права вовсе не было. Къ счастью однако, самъ Герберъ не мнилъ себя Юпитеромъ публичной юриспруденціи, изъ головы котораго выскочила новая дисциплина во всеоружіи; онъ помянулъ своихъ предшественниковъ и такимъ образомъ самъ намѣтилъ путь для установленія дѣйствительной, а не поддѣльной генеалогіи юридической школы нѣмецкихъ государствѣдовъ.

На первыхъ же страницахъ своего перваго публично-правнаго трактата Герберъ говоритъ, что публицисты-догматики XVIII вѣка удовлетворяли основному методологическому требованію изученія одной лишь юридической стороны государственнаго властвованія, но что выработанныя ими юридическія конструкціи оказываются въ его время непригодными вслѣдствіе кореннаго измѣненія государственнаго строя Германіи, вызваннаго введеніемъ конституціонализма. Отложивъ

на время въ сторону вопросъ о непригодности отдѣльныхъ конструкцій стараго порядка, мы сосредоточили наше вниманіе на признаніи Герберомъ своего принципиальнаго методологическаго родства съ юридической школой государствѣдовъ старой имперіи.

Изучивъ публицистовъ XVIII вѣка, мы нашли у нихъ не только полную картину развитія юридическаго метода въ теоріи и въ дѣйствиіи, но и спеціальныя изслѣдованія, посвященныя исторіи публично-правной догматики. Слѣдуя за нитью этихъ историческихъ указаній, мы уходили все дальше и дальше отъ современности,—въ XVII и XVI вѣка: начальныя стадіи развитія публично-правной догматики все болѣе и болѣе удалялись отъ насъ въ глубь прошлаго. Такое удаленіе, взятое само по себѣ, не представляло бы никакого существеннаго научнаго интереса, кромѣ антикварной справки, еслибы оно не сопровождалось указаніемъ на причины, породившія догматическую разработку публичнаго, или болѣе тѣсно,—государственнаго права. Но необходимое причинное объясненіе явилось въ качествѣ неизбѣжнаго логическаго вывода изъ изученія старой публично-правной литературы. Въ XVIII и XVII вѣкахъ литература эта состояла изъ общихъ курсовъ и спеціальныхъ трактатовъ по догмѣ государственнаго права. Съ углубленіемъ въ XVI вѣкъ не только курсы, но и систематическія монографіи исчезаютъ, и встрѣчается лишь фрагментарная догматическая разработка отдѣльныхъ вопросовъ положительнаго государственнаго права въ мотивированныхъ рѣшеніяхъ рейхскаммергерихта, протоколы и приговоры котораго, какъ въ извлеченіяхъ, такъ и полностью, стали издаваться съ половины XVI вѣка въ спеціальныхъ сборникахъ такъ называемой камеральной юриспруденціи. Дойдя въ своемъ изслѣдованіи до этой точки, мы не только уяснили себѣ смыслъ высказаннаго вскользь въ литературѣ мнѣнія о томъ, что мѣстомъ рожденія науки нѣмецкаго государственнаго права былъ рейхскаммергерихтъ, но и нашли вполне реальное объясненіе происхожденія и развитія юридическаго метода въ нѣмецкой государственной наукѣ.

Оказалось, что публично-правные трактаты старого времени представляли собою сначала простую сводку догматического материала по тем вопросам положительного государственного права, которые входили в компетенцию рейхскамергерихта и записывались в сборниках его рѣшений; впоследствии времени публицисты разрабатывали и другие вопросы положительного государственного права, выходившие из предѣлов вѣдѣнія рейхскамергерихта, но разрабатывали их на основаніи тѣхъ же строгихъ приемовъ догматизаціи и юридической конструкціи, которыми пользовался судъ. Получилось, повторяемъ, вполне реальное объясненіе происхожденія юридического метода въ государственной наукѣ. Рейхскамергерихтъ былъ въ Германіи первымъ судомъ публичнаго права, и изъ его практики возникла публичная юриспруденція точно такъ же, какъ вся вообще юриспруденція возникла изъ судебной практики. Строгое слѣдованіе дѣйствующему праву, принципиальное исключеніе политическихъ вопросовъ дѣлсообразности, самоограниченіе вопросами положительной правомѣрности,—всѣ эти черты, характерныя для суда, унаслѣдованы разившейся изъ его практики публично-правной догматикой. Но всѣ же эти черты характеризуютъ такъ называемый юридическій методъ въ государственной наукѣ, который оказывается такимъ образомъ не отвлеченнымъ антитезисомъ метафизическаго воззрѣнія на государство, а реальнымъ слѣдствіемъ суда публичнаго права. Мы говоримъ о происхожденіи юридической школы государствовѣдovъ изъ суда въ томъ же смыслѣ, въ какомъ можно говорить о происхожденіи историческаго материализма изъ пробудившагося самозванія рабочаго класса. Таково уже органическое свойство общественныхъ наукъ, что коренные методологическіе перевороты производятся въ нихъ не кабинетами и лабораторіями, а самой жизнью.

Публицистика старой имперіи сложилась въ особую и специальную дисциплину, которая заняла мѣсто на рубежѣ между юриспруденціей и государственной наукой: съ первой связывала ее общность конструктивныхъ приемовъ, со второй—общность объекта. Конструктивные приемы она заимствовала

у своей „старшей сестры“—цивилистики. Начавъ съ полнаго подчиненія послѣдней въ этомъ отношеніи, она стремилась однако къ освобожденію и самостоятельности и достигла этого, поскольку дозволяли фактическія отношенія государственной жизни стараго порядка, проникнутой патримоніальными началами властвованія. Изъ ряда государственныхъ дисциплинъ, связанныхъ общностью объекта, публицистика выдѣлялась своимъ юридическимъ критеріемъ, отличавшимъ ее отъ политической исторіи, политики и статистики. Методологическое размежеваніе съ сосѣдними юридическими и политическими дисциплинами, а также установленіе способовъ и предѣловъ пользованія ими для конструктивныхъ цѣлей юридической догматизаціи составляло предметъ специальныхъ монографій, выходившихъ изъ подъ пера публицистовъ XVII и XVIII столѣтій, которые разрабатывали такимъ образомъ съ одинаковымъ вниманіемъ и сознаніемъ какъ практику, такъ и теорію юридического метода въ государственной наукѣ.

Призывая къ юридическому изученію государства, Герберъ только возстановлялъ старую научную традицію, нарушенную, или вѣрнѣе, прерванную переходнымъ временемъ конституціонной борьбы, въ теченіе котораго слагавшійся новый порядокъ, находясь въ состояніи становленія, не представлялъ устойчивой почвы для юридической догматизаціи. То новое, что внесъ Герберъ, заключалось лишь въ замѣнѣ частныхъ правовыхъ конструкцій отношеній государственнаго властвованія публично-правными. И это новшество было не кабинетнымъ исправленіемъ какихъ либо промаховъ старыхъ публицистовъ, а слѣдствіемъ измѣнившихся условій государственной жизни,—слѣдствіемъ обобществленія самой государственной власти, освободившейся отъ прежнихъ патримоніальныхъ квалификацій. Измѣненія въ государственномъ строѣ привели къ тому замѣтному у Гербера освобожденію публицистики отъ подчиненія цивилистикѣ, котораго не могли достигнуть публицисты старой имперіи, оставаясь вѣрными принципу догматической положительности.

Установленіе историческаго происхожденія юридической школы государствовѣдovъ даетъ намъ прочный критерій для

ея оцѣнки. Юридическая школа и умѣстна, и необходима въ предѣлахъ своей компетенціи,—конструированія положительнаго государственнаго права, но она не должна притязать на превращеніе своей спеціальности въ философію и на исключеніе другихъ дисциплинъ изъ области государствовѣдѣнія. Наряду съ нею неизбѣжны соціологическое изученіе государства и разработка основанной на объективных научныхъ данныхъ политики. Размежеваніе юридической школы съ указанными дисциплинами можетъ и должно совершаться на тѣхъ же началахъ, на которыхъ размежевывались публицисты старой имперіи съ политической исторіей, статистикой и политикой.

Ө. Тарановскій.